

ЧИТАЙТЕ КЛЮЧЕВСКОГО!

УДИВИТЕЛЬНАЯ СУДЬБА ОЧЕНЬ ДОБРОГО ЧЕЛОВЕКА,
СУМЕВШЕГО ПОНЯТЬ, КАК ВСЕ УСТРОЕНО В РОССИИ

Ж

Жил-был в Российской империи счастливый человек.

Звали его Василий Осипович Ключевский, суховатый, худощавый, невысокого роста и беспримерного обаяния, из попов да дычков, вековавших в пензенских краях. Был он лучших человеческих достоинств и любил людей, будучи очень ими любимым. На этом можно бы закончить, если бы он не составил эпоху в российской истории — не как деятель, а как тот, кто пытается понять ее факты, смыслы и дать нам взгляд, цельный взгляд на то, как мы устроены — народ, общество и государство — и что с нами будет.

Читайте Ключевского! С ним вы почувствуете плоть истории — и еще раз спросите себя: где были наши семьи, как они уцелели в чередѣ светлых и темных эпох, как пробились через мириады событий, в каждом из которых был риск — уцелеть или нет? И еще вы погружаетесь — кажется, что чувственно, телесно — в запах, тепло, пространство российской земли, вы оказываетесь среди реки времени, и если закрыть глаза, кажется, что жизнь, как история, длится вечно, век от века, и наша жизнь вместе с ней — бесконечна.

«Впереди светло и свежо...»

Прожил 70 лет (мало), прошел через четырех императоров (1841 — 1911), женился на старшей сестре той, кого любил (кажется), защитил три диссертации (кандидатская, магистерская — 6 лет работы, докторская — 10 лет), знал 4 языка, в самом начале — семинария с показней (превосходно), академик, профессор, 108 лет непрерывного чтения лекций, если их «условно вытянуть... в единую линию» 30 лет — Московский университет, Московская духовная академия — 36 лет, Александровское военное училище — 16 лет, Высшие женские курсы — 16 лет, Московское училище живописи, ваяния и зодчества — 10 лет¹.

Вот один из его знаменитых афоризмов: «Кто неспособен работать по 16 часов в сутки, тот не имел права родиться и должен быть устранен из жизни, как узурпатор бытия»².

Для магистерской Ключевский нашел и изрыл в оригиналах около 5000 архивных рукописей, «убийственная работа»³. Таков был его способ бытия — первоисточники, архивы, максимум отовсюду, годами, собирать, обработать, рассказать. Тысячи рукописей, в разных состояниях, разными руками писанные, за 5–6 сотен лет!

Внешне крайне прост. Тайный советник, орден орденов, одетый в самое простое, в поношенный сюртук, поношенную шубу. Простой дом, простая еда, актерский (свидетель Шаликин) и литературный таланты. Мы еще не родились, и неизвестно, родимся ли, на дворе год 1893-й, все еще спокойно и нет войны. Знаменитый историк Ключевский, 52 года, пишет в дневнике: «28 июня... «Александр» бежит прямо на запад, где горизонт догорает последним огнем вечерней зари. Над заревом повисли разорванные лоскутами темно-синие редкие облака. Вечная даль впереди белеет тускнеющим стеклом, справа окаймленным чуть заметной линией южного берега, и слева поднимается лесистая изогнутая стена. Впереди светло и свежо, а позади парохода сырая и серая мгла сливается с шумом взбурораженной воды, и туда убегает черная струя дыма, медленно выползая из паровой трубы»⁴.

Мир спокоен и очень хочется жить.

«Самый дорогой дар природы — веселый, насмешливый и добрый ум»

Боготворим студентами. Всегда аншлаг на лекциях! В зале до 2 тысяч человек, они сбегались со всей Москвы, висели гроздьями на подоконниках, забивали проходы. Яркая, образная речь, история — как живое действие, но строгое, данное в системе, ясный, негромкий, певучий голос, который все очень любили (он преодолел детское заикание). «В аудитории напряженная тишина, разве только прорывается взрыв веселого смеха или восторженных аплодисментов. После таких лекций студенчество устраивало... бурные овации»⁵. «Курсистки, чтобы проникнуть на лекции Ключевского в университет, куда их не пускали, переодевались студентами и остригали волосы»⁶.

Сыпал шутками и афоризмами. Они были знамениты. «Человек — это величайшая скотина в мире». «Прошедшее нужно знать не потому, что оно прошло, а потому, что, уходя, не умело убрать своих последствий». «История учит даже тех, кто у нее не учится; она их проучивает за невежество и пренебрежение». «Чужой западноевропейский ум призван был нами, чтобы научить нас жить своим умом, но мы попытались заменить им свой ум». «Пролог XX века — пороховой завод» (он был прав!). «Всякий порядочный администратор... обязан охранять народное благо тем

КТО НЕСПОСОБЕН РАБОТАТЬ ПО 16 ЧАСОВ В СУТКИ, ТОТ НЕ ИМЕЛ ПРАВА РОДИТЬСЯ И ДОЛЖЕН БЫТЬ УСТРАНЕН ИЗ ЖИЗНИ, КАК УЗУРПАТОР БЫТИЯ.

ВАСИЛИЙ КЛЮЧЕВСКИЙ

¹ В. Шервуд. Портрет В.О. Ключевского. 1894 год.

² Издания В.О. Ключевского.

³ Жена Василия Осиповича Анисья Михайловна Ключевская с сыном Борисом Ключевским.

*4

Цесаревич Георгий Александрович, для которого Ключевский преподавал историю.

*5

И. Репин. Прием волостных старшин императором Александром III во дворе Петровского дворца в Москве. 1883 год.

*6

Московский Университет. 1884 год.

усиленное, чем бессмысленное его гнобит народ».

А вот еще, «самый дорогой дар природы — веселый, насмешливый и добрый ум»⁷.

Добрый ум! Мы имеем дело с очень добрым человеком, но человеком впередсмотрящим, изучающим, пытающимся понять, как все устроено в России, в чем логика ее истории и как ее сберечь.

«Народное благо» — это вопросы к нам, к тому, как мы понимаем нашу общую жизнь.

По Ключевскому, любое государство, любая система правления должны быть посвящены общему благу. Беда России в том, что она тысячу лет управлялась как вотчина, как личная собственность своего хозяина — в этом нет «общего блага», есть благо личное, «хозяина земли русской», по выражению Николая II⁸.

«Власть вопреки общему благу — простой захват»

Послушаем Ключевского. Сущность и задачи государства: «верховная власть, закон, народ и общее благо»⁹. Идея народного русского государства «всею своею сущностью» отрицает вотчину, вотчинная схема заставляет «мыслить государя всея Руси не как верховного правителя русского народа, а только как наследственного хозяина, территориального владельца русской земли»¹⁰.

Что было в истории России? «Государство понимали не как союз народный, управляемый верховной властью, а как государево хозяйство... Поэтому народное благо, цель государства, подчинилось династическому интересу хозяина земли и самый закон носил характер хозяйственного распоряжения... устанавливающего порядок деятельности подчиненного... порядок отбывания разных государственных повинностей обывателями»¹¹.

Повторим за Ключевским: народное благо — цель государства. Ключевая идея истории (любое время, любая власть, любой правитель, любая деятельность, объект которой народ) — увеличение «общего блага». История оценивается по его динамике.

Отсюда знаменитое motto Ключевского — «империя пухнет, народ хиреет».

«После Петра государство стало сильнее, но народ беднее»¹⁷.

Что в итоге сказал Ключевский?

Что сказал историк, пользовавшийся всеобщей любовью в России, прошерстивший в своих «курсах русской истории» тысячу лет жизни народа в самых разных формах государства? Преподававший историю для цесаревича Георгия Александровича (1893—1895)? Он сказал, охватывая суждением, по сути, века: «До Петра идеи «народного блага» во власти нет. После Петра она погасла очень надолго».

И еще: «Власть как средство для общего блага нравственно обязывает, власть вопреки общему благу — простой захват»¹⁸. «Задача в том, чтобы едиличная власть делала для народного блага то, чего не в силах сделать сам народ чрез свои органы. Ответственность в том, что одно лицо несет ответственность за все неудачи в достижении народного блага»¹⁹.

В этих суждениях есть все, чтобы оценить каждого, кто был когда-то вознесен историей на вершины власти.

«У нас выработалась низшая форма государства, вотчина. Это собственно и не форма, а суррогат государства. Но, скажут, этой формой целые века жил великий народ, и ее надобно признать самобытным созданием народа. Конечно, можно, как «голодный хлеб» можно признать изобретением голодающего народа; однако это не делает такого хлеба настоящим»²⁰.

«Голодный хлеб» — это хлеб из лебеды.

«Петр I. Он действовал как древнерусский царь — самодур; но в нем впервые блеснула идея народного блага, после него погасла надолго, очень надолго. Чтобы защитить отечество от врагов, Петр опустошил его больше всякого врага. Понимал только результаты и никогда не мог понять жертв».

ДО ПЕТРА ИДЕИ «НАРОДНОГО БЛАГА» ВО ВЛАСТИ НЕТ.
ПОСЛЕ ПЕТРА ОНА ПОГАСЛА ОЧЕНЬ НАДОЛГО.

ВАСИЛИЙ КЛЮЧЕВСКИЙ

¹⁷ В.О. Ключевский и студентки Высших женских курсов. 1886 год.

¹⁸ Основание Петербурга Петром I. Приписывается Дж. ван Тооренвалте.

¹⁹ Рукопись лекции «Управление в Московском государстве XVI века», 1900-е годы.

«Самый плодотворный труд — свободный, безотчетный»

Есть ли еще верховные «фигуры», кроме Петра I, которых обсуждал Ключевский, — что случилось при них с «общим благом», «народным благом»? Уменьшилось или приросло?

Да, конечно. Это Екатерина II. Если не поминать конвейер войн («из 34 лет царствования 17 лет борьбы внешней или внутренней на 17 лет отдыха!»), если отставить в сторону четыре десятилетия «непрерывного военного напряжения»¹⁰, то именно в ее царствование в публичный обиход сверху, с самого трона были введены конструкты «блага», «добра» или даже «любви» как основы управления Российским государством. «Очень верное правило, это всегда иметь целью общественное благо»¹¹.

Вот «Наказ» Екатерины II (1766—1767) для создания законодательной основы бытия России.

Статья 1 — «Закон Христианский научает нас взаимно делать друг другу добро, сколько возможно».

Статья 13 — «Какой предлог самодержавного правления? Не тот, чтоб у людей отнять естественную их вольность, но чтобы действия их направить к получению самого большого от всех добра».

Статья 241 — «Законоположничество есть не что иное, как искусство приводить людей к самому совершенному благу или оставлять между ними, если всего искоренить нельзя, самое малейшее зло»¹².

Итак, фундамент государства — взаимное добро, цель правления — не отнять у нас вольность, а направить к получению добра. Степень свободы, вольности — еще один оценочный критерий истории. «Самый плодотворный труд — это свободный, безотчетный»¹³. «Рабский труд не может равняться в энергии с трудом свободным»¹⁴. «Чтобы Россия могла стать богатой и могучей, нужна была свобода. Ее не видела Россия XVIII века. Отсюда... и государственная ее немощь» (1879)¹⁵. Лучшее, что можно пожелать — свобода мысли¹⁶. «Свобода — несомненный элемент общежития»¹⁷. «До половины XIX века внешнее территориальное расширение государства идет в обратном пропорциональном отношении к развитию внутренней свободы народа»¹⁸. «У нас по мере расширения территории вместе с ростом внешней силы народа все более стеснялась его внутренняя свобода... На расширявшемся завоеваниями поприще увеличивался размах власти, но уменьшалась подъемная сила народного духа»¹⁹.

И, наконец, согласие между частной свободой и общим интересом, как неизбежность.

«Энергия личного материального интереса возбуждается... стремлением обеспечить личную свободу, как внешнюю, так и внутреннюю, умственную и нравственную, а эти последние на высшей ступени своего развития выражаются в сознании общих интересов и в чувстве нравственного долга действовать на пользу общую. На этой нравственной почве и устанавливается соглашение вечно борющихся начал»²⁰.

Еще одна идея, еще один урок, извлекаемый Ключевским из истории, — эволюция, своевременные реформы сверху, которые позволят увеличить народное благо, но без переворотов, восстаний, страданий. «Можно было бы избежать революции, если бы правительство полуступками и колебаниями не выпустило дела из своих законных рук и не отдало его на произвол незаконной силы»²¹.

¹⁰

Ф. де Мейс.
Екатерина II,
путешествующая
в своем государстве
в 1787 году.

Базовая идея: куда вы смотрите?! Скорее давайте народу добром минимум назревших, необходимых реформ, а то он вам покажет!²⁸ Он и показал. «России «еще раз грозит бесцарствие, смутное время»²⁹. Сказано было Ключевским в начале 1900-х. До 1917 года совсем недалеко.

«Это последний царь...»

Для нас наступает минута задуматься. В чем состояла его жизнь? В ней, по совести говоря, не было громких событий, ее сюжет незаискусствен, и она может быть сведена к нескольким словам: думал, писал, учил, много работал, но статусу своему влиял на умы, очень любил свой народ и пытался добиться для него лучшего. Искал в его истории не только факты, но и смыслы — почему все так сложилось в 1000-летней истории России, как добиться того, чтобы народное благо увеличивалось с каждым делением времени, как сделать, чтобы это происходило без потрясений, без смутных времен, в органическом развитии общества и государства.

Признавал ли он конфликты общественных классов? Да, конечно. Был ли скептичен в отношении той системы единоличной власти, которая сложилась в России? Очень. Ждал ли бед в будущем? Безусловно. Страшился ли потрясений? Кажется, что он их ненавидел, занимая в любом общественном конфликте примирительную позицию (особенно это было видно во время студенческих волнений). Внес ли вклад в нашу память, в нашу культуру, в наше понимание истории огромного народа? Да, блестящий вклад, детальный, в многотомных, легко написанных текстах, которые еще и показывают нам смыслы в истории — смотреть на все, что происходило, на жизнь народа, на крупнейшие личности, которых он порождает, с позиций «меры народного блага», «меры бедности» (стал ли народ беднее), «меры свободы», «меры принуждения», «меры смуты» — таковы ли были времена или же полны анархии, дезорганизации, несчастий и бед.

И еще он дал пример прогноза, какой может дать только историк, обзирающий 1000-летнюю историю своей и других стран. «Это — последний царь. Алексей царствовать не будет»³⁰.

Счастливый, в общем-то, человек, делавший в жизни именно то, что ему хотелось. Всегда любимый, особо не преследуемый, наоборот, даже вознагражденный властями, говорящий правду в самые сложные времена — с позиций «народного блага». Счастливый человек в переломную эпоху, когда общество было брошено реформами, а разрешилось, в конце концов, терактами, войной и смутой.

11

Можно ли быть счастливым, думая и проповедуя в обществе, в котором народ плохо устроен? Можно ли в нем остаться самим собой, не кривя душой? Мы уже знаем ответ, погружаясь в тома Ключевского, в его легкие, подвижные тексты. «Что такое счастье? Это возможность напрячь свой ум и сердце до последней степени, когда они готовы разорваться»³¹. Да, он сделал это, он получил свое счастье, дав образец на все времена.

* 11

Дом-музей
В.О. Ключевского
в Пензе.

²⁸ Нечкина М. Василий Осипович Ключевский. М., 1974. С.423—404.

²⁹ Там же. С.315.

³⁰ Там же. С.352.

³¹ Ключевский В. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М., 1968. С.396.

³² Голубцова М. Воспоминания о В.О. Ключевском. // В.О. Ключевский: про и против. Антология. СПб., 2003. С.281.

³³ Нечкина М. Указ. соч. С.306.

³⁴ Ключевский В. Письма. Дневники. Афоризмы...

С.321, 323, 328, 360, 369, 377; Ключевский В. Собр. соч., Т. III. М., 1988. С.12; Там же. Т. IX. С.307.

³⁵ Переписной лист Первой всеобщей переписи населения, дополненный Николаем II 23.01.1897.

³⁶ Ключевский В. Курс русской истории. Ч. III // Собр. соч., Т. III. М., 1988. С.15.

³⁷ Там же. С.15.

³⁸ Там же. С.16.

³⁹ Ключевский В. Письма. Дневники. Афоризмы... С.377.

⁴⁰ Там же. С.393, 394.

⁴¹ Там же. С.384.

⁴² Там же. С.396.

⁴³ Ключевский В. Исторические портреты. М., 1990. С.288.

⁴⁴ Записки Императрицы Екатерины II. СПб., 1907. С.620.

⁴⁵ Наказ Императрицы Екатерины II. СПб., 1907. С.1, 4, 73.

⁴⁶ Ключевский В. Письма. Дневники. Афоризмы... С.29.

⁴⁷ Ключевский В. Курс русской истории. Ч. III. С.8.

⁴⁸ Нечкина М. Указ. соч. С.196.

⁴⁹ Ключевский В. Письма. Дневники. Афоризмы... С.67.

Дневники. Афоризмы... С.67.

⁵⁰ Курс «Методология» Ключевского. Цит. по Нечкиной М. Указ. соч. С.263.

⁵¹ Цит. по Нечкиной М. Указ. соч. С.504.

⁵² Ключевский В. Курс русской истории. Ч. III. С.8.

⁵³ Ключевский В. Письма. Дневники. Афоризмы... С.390.

⁵⁴ Ключевский В. Рукопись курса лекций вел. кн. Георгию Александровичу. Цит. по Нечкиной М. Указ. соч. С.340.

⁵⁵ Там же. С.340.

⁵⁶ Ключевский В. Афоризмы и мысли об истории // Собр. соч., Т. IX. М., 1988. С.443.

⁵⁷ Цит. по Нечкиной М. Указ. соч. С.456.

⁵⁸ Ключевский В. Афоризмы и мысли об истории. С.408.